

ГОДЫ СЛУЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ-ИСПОВЕДНИКА ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) НА ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛЕ ПО ЗАФИКСИРОВАННЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ¹

протоиерей Виктор ЛИСЮНИН^{1,2)}

¹⁾ Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви» 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

²⁾ ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина» 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ovli09@mail.ru

Аннотация. Повествуется о годах служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого), который с февраля 1944 по май 1946 г. был архиепископом Тамбовским и Мичуринским и управлял Тамбовской епархией. Приведен ряд воспоминаний очевидцев, которые общались с архиепископом Лукой, присутствовали на его богослужениях, помогли в восстановлении Покровского прихода, были его пациентами или трудились вместе с Владыкой в эвакуационных госпиталях Тамбова, где он являлся главным хирургом-консультантом и проводил свои знаменитые операции. Отражены зафиксированные автором воспоминания старшего клирика Спасо-Преображенского кафедрального собора города Тамбов митрофорного протоиерея Бориса Жабина, который в семилетнем возрасте впервые увидел архиепископа Луку, Любови Петровны Абрамовой, являющейся свидетельницей возрождения Покровского собора города Тамбов во время служения святителя, участника Великой Отечественной войны капитана 1-го ранга Николая Стефановича Чаплыгина, а также выпускниц Тамбовского медицинского училища и медицинских сестер тамбовских эвакогоспиталей Веры Ивановны Левашовой, Нины Николаевны Зайко и Клавдии Тимофеевны Чаплыгиной. Каждый из очевидцев являет свою историю встречи и общения с Владыкой Лукой, который оставил неизгладимый след в их душе. По этим воспоминаниям и свидетельствам можно почувствовать атмосферу, в которой проходили годы служения святителя, реконструируются быт и обстановка того военного времени. Живой самобытный язык каждого очевидца добавляет свое уникальное звучание и в то же время раскрывает разные грани личности святителя Луки. Собрание воспоминаний очевидцев создает своеобразный народный портрет личности великого ученого-иерарха и теперь уже прославленного святого – святителя-исповедника Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого).

Ключевые слова: Тамбовская епархия; Великая Отечественная война; святитель Лука; архиепископ; воспоминания; очевидцы; эвакогоспиталь; служение

О тяжелых условиях, в которых приходилось служить Владыке Луке, вспоминают многие прихожане. «Первые, кто встречал Луку, – рассказывает **Любовь Петровна Абрамова**, – это были Мария Лаврентьевна и Владимир Алексеевич Семенов, кажется, был ее племянником, он всю жизнь бухгалтером потом работал при храме. Они и открывали Покровский храм, ремонт там делали и архиерея встречали, когда он приехал. Потом народ всегда встречал его, когда он служил. Так, стоишь в стороночке, ждешь, когда он пройдет, потом уж народ идет за ним. Особенно запомнила, когда в первый раз увидела, как он шел, так тихонько идет, а с ним маленький псаломщик. Я в церкви то-

же помогала, с сестрой трудилась – белье стирать нам дали. Белья много было, тяжело было его стирать, ведь где воды взять? Белье разное – церковное облачение, завесы. Ой, какой труд был, в колонку ходили или углем зимой разогревали, или чурочки маленькие деревянные были, самоварчик заваривали, а облачения много. Облачение развешивали во дворе у дома, а соседи такие злые все были, говорили: «Нам кресты надоели, не хотим на них больше смотреть!» В горисполком ходили, жаловались, сестру туда вызывали, а там потом сказали: «Это ее частный дом, она как хочет там, так и делает!»²⁾

«Нас раскулачили из Покрово-Марфино, – рассказывает Любовь Петровна, – и мы

¹ Свидетельства и воспоминания очевидцев собраны, записаны и обработаны протоиереем Виктором Федоровичем Лисюниным.

² Записано протоиереем Виктором Лисюниным 9 сентября 2012 г. в г. Тамбове со слов Л.П. Абрамовой (1921 г. р.).

приехали в Тамбов; нас три сестры и брат были. Но нас преследовали все равно. Мне все же удалось окончить курсы на зубного техника... Владыку Луку как сейчас... помню, ему купили квартиру, комнатку маленькую... на улице Комсомольской. А у нас был псаломщик маленький такой, который водил Владыку Луку оттуда к храму. И вот помню, Владыка Лука идет, полный... высокий, а псаломщик маленький... ведет... за руку. Бедная церковь была, только... открылась, возможностей мало было. А за речкой там жил человек один – Миша; у него были лошадь и тарантасик. И вот стали тарантасик... Владыке Луке подавать туда, к дому, и стали перевозить. А народу стало ходить, это ужас, сколько много. А потом купили небольшой домик на улице Августа Бебеля, здесь устроили епархию... небольшую, и он там тоже бывал. И когда в храм приходил, то, бывало, по два часа делал проповеди. Стоит высокий, тушный такой был, а тут же и писали за ним две женщины – одна высокая, а другая поменьше (все записывали). У меня были проповеди, от руки записанные, да все просили: «Дай мне, дай мне...» – все раздавала, никто не вернул. И очень много за проповеди хулы на него было – не так сказал, мол. Здесь ведь, между прочим, и среди своих священников были враги. Хотя, когда он приехал, многие наши священники были в Сибири; потом их отпустили... Ну вот, а потом все пошли в Церковь. Отец Алексей Петров (был такой), отец Роман Новиков, отец протодиакон Михаил Добров. А уж хор-то какой был, как пел под управлением Сергея Алексеевича Богомолова! Еще до войны, когда я училась в школе, он у нас музыку преподавал, а затем в Покровский храм работать пошел. Когда, бывало, в Покровский храм заходишь, с левой стороны все стояли... богатые люди. Там, в верхнем храме, более затемненное место было, меньше было возможности рассмотреть, кто стоит. До открытия храма здесь было общежитие завода «Комсомолец». Вначале верхний храм освободили, а в нижнем храме первое время еще оставалось общежитие, которое потом освободили, когда началась служба... И здесь, в нижнем храме, тогда был сделан первый деревянный иконостас. Миша, был такой мастер по дереву, и другие мастера. Народу много ходило – церковь ведь одна была. Перед началом

службы многие выходили встречать Владыку Луку. После встречи много людей набивалось. Весь народ стоит так и пошевелиться не может. Только потом, когда Владыка Лука уехал из Тамбова, народ уже много просил, и тогда сделали сбоку, где окно было, боковой вход...»³.

Любовь простого народа к пастырю легко объяснить искренностью и открытостью его служения. Окружающие не могли не видеть самых простых условий жизни, нестяжательность быта, простоту обхождения Владыки Луки. Сохранились документы и свидетельства, характеризующие личный быт архиерея. Так, из распоряжения заведующего Тамбовским облздравом А.С. Гаспаряна 1944 г. на имя начальника эвакогоспиталю № 5953 Аветисова можно прочесть: «Направляю в Ваше распоряжение профессора Войно-Ясенецкого как старшего хирурга. Прошу создать для него самые необходимые квартирные условия и организовать индивидуальное питание»⁴. Условия, конечно, были созданы, но насколько они были «самыми необходимыми», можно судить по воспоминания очевидцев и маленькому домику на улице Комсомольской. «Проходная квартира у него была, – вспоминает протоиерей Борис Жабин⁵. – ...Комната у него была, где он жил, а чтобы к себе пройти, нужно было миновать другое помещение, где жили люди. Не то значит, что он один жил, самостоятельно. Через людей проходил. Так вот, там все слышали. Даже как он молился... Однажды с архиепископом Лукой произошел такой случай. Выходя на службу, первое время, конечно, его никто не сопровождал, никто не встречал. Такие времена. Он шел один, как архиерей, с посохом, в скуфье. Идет по набережной мимо бывшего здания семинарии, где сейчас ТИХМ⁶, а там с берега шли мужчины (в каком они состоянии были, может подвыпившие?). Он ведь на службу рано шел. «Вон пошел, – говорят, –

³ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 23 октября 2011 г. в г. Тамбов со слов Л.П. Абрамовой (1921 г. р.).

⁴ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-3959. Оп. 2. Д. 70. Л. 38.

⁵ Протоиерей Борис Жабин (01.07.1937 г. р.) – старший клирик Спасо-Преображенского кафедрального собора г. Тамбов.

⁶ Ныне Тамбовский государственный технический университет.

шизофреник, понимаешь, на службу. Бога никакого нет, а он пошел людей в заблуждение вводить!» Владыка ни слова им не ответил, ни одного слова. Молчком как шел, так и шел. Но приходя в храм, сразу было видно, что какой-то возбужденный он был. Сколько в ссылке отсидел – двадцать с лишним лет. Вот он приходит в храм, совершает литургию. Служил как архиерей, как полагается. Облачения, правда, такие скудные были, кое из чего сшитые. После литургии выходит прямо на амвон и начинает: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» И говорит: «Какой же я шизофреник! Вот сейчас, идя на службу, мне вслед кричат: «Шизофреник! Никого нет, ничего нет, он пошел людей в заблуждение вводить!..» Я не только архиереем, я и священником не думал служить никогда...» И Владыка рассказал о том, что когда, будучи еще врачом, задумал труд писать «Очерки гнойной хирургии», то долго думал, составил план и на заре заснул. «Мне был голос: «Закончишь труд, подпишешь – епископ Лука». Тут вспомнил: какой я епископ, у меня есть жена!» После Владыка рассказал, как у него тяжело заболела жена и много времени она была без сознания, в состоянии как при летаргическом сне. Коллеги, профессора говорят: «Надо ее хоронить, она же – мертвец». А он говорит: «Нет, она живая». Ему говорят: «Откуда Вы знаете? Какое Ваше предположение?» Он им в ответ: «Живая она, живая...» На тринадцатые сутки она проснулась и ему тут же говорит: «О, как я тебя там видела! Ты служишь в храме, царский венец на тебе там был, в правой руке три больших свечи и в левой две. И ты ими благословляешь». Рассказав эти случаи из своей жизни, Владыка Лука сказал: «И какой же я шизофреник? Я был хирургом, я был профессором университета, а у Бога я уже был архиереем, а как это, не знаю!»⁷

«Когда Владыка Лука приехал, – продолжает вспоминать протоиерей Борис Жабин, – я пацан был совсем, семь лет мне было. Мама с детства всегда водила меня в Покровский храм. Ходил на службу, причащался. Владыка Лука, он был большой такой, крупный. Прост в служении, сам с подсвеч-

ником мог выйти вместо пономаря. Был такой момент, что нет никого в алтаре, дьякон и священник только служат, а Владыка Лука пришел помолиться – архиерей и больше никого нет. Он берет подсвечник. Дьякон и священник Евангелие выносили, когда вход, а Владыка Лука за пономаря выходил с подсвечником. Характер у него был прямолинейный, потом надо учитывать, что в ссылках был, поэтому и по-волевому, без всяких церемоний, мог сказать. Да-а!.. И когда его в облисполком вызывали и говорили ему: «Вот что, Вы в вашем облачении таком, Вы не ходите так. Перед операцией не делайте церковных действий и разных манипуляций». Он им отвечал: «Если я не буду в этом облачении ходить, я вообще к вам ходить не буду!» И когда ему говорили, что нужно забыть о том, что было, что его сажали и в ссылку отправляли, он говорил так: «Это забыть нельзя, потому что это написано на сердце. Никогда не забуду!» Когда благословлял, помню, рука у него большая была. Да! Большая такая, мощная. Голос, такой командный, волевой, но не резкий, как у многих в то военное время»⁸.

Многие жители г. Тамбов, с которыми встречался Владыка Лука, были выходцами из крестьян. Из-за гонений и раскулачивания они переехали в город. «У меня с детства вера была, – вспоминает **Вера Ивановна Левашова**, – мой дедушка Федор Петрович Медведев был ктитор в церкви в селе Малая Талинка недалеко от Тамбова. Он в вере строгий был, бабушка и мать Ольга Федоровна (скончалась в 1986 г.) были тоже религиозными. Хотя мой отец Иван Александрович Близнецов (скончался в 1994 г.) был обыкновенным крестьянином, но его раскулачили, а как только раскулачили, он потребовался на фронт – стал участником войны. Был в разведке, ранение получил в 1943 г., лечился в Астрахани и пришел на костылях с инвалидностью. С детства я была приучена к труду и кресту, мы молились. В то время загоняли в колхоз, без конца ходили агитировать. В общем, тогда у нас остался один дом, все отобрали – ничего не было, мы спали на полу на лохмотьях, так что я все это в детстве пережила. Поэтому я крест не потеряла, я носила крест и молилась. Это все было очень тяжело. У нас в селе священник был хоро-

⁷ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 6 июня 2011 г. в г. Тамбов со слов старшего клирика Спасо-Преображенского кафедрального собора г. Тамбов митрофорного протоиерея Бориса Жабина (1937 г. р.).

⁸ Там же.

ший, но его тоже раскулачили, выгнали, и он ходил, побирался, подбирал куски и умер где-то в с. Донское. Всю семью у них разогнали, а в семье было трое мальчиков и одна девочка. Все они потом жили в Тамбове. Это все было у нас на глазах. Дедушка умер в 1938 г., тогда церковь еще действовала, его там отпевали, а после его смерти в 1938 г. вначале зерно в церкви хранили, а затем все поломали. Но одна щебенка только получилась, кирпич не взяли, он весь рассыпался. У нас в селе две были церкви – летняя и зимняя. Помещики их строили, были красивые. Ограда была из кирпича сложена, там были священники похоронены, но все это переломали и все разрушили. Построился на этом церковном месте, где была церковь, милиционер, он следом заболел раком и умер. Дом продали, и кто купил, тому тоже плохо было. Страшно было смотреть, как ломали церковь, кто-то успел взять иконы, многие иконы были рассыпаны в храме. Ломал кто – свои же сельчане, которые не верили в Бога. И все люди, кто это сделал, после на тот свет ушли за это... В 1942 г. я окончила Тамбовское медучилище. Практики у меня не было, я пришла в госпиталь, который располагался в школе № 1, напротив, в школе № 6, тоже был госпиталь. В этих госпиталях Владыка Лука день и ночь работал, с ним мы вместе оперировали. Когда приехал в 1944 г. Владыка Лука, то было заметно, как он совсем отличался от тех докторов, которые были до него. Они были другого склада – поглубже, а он помягче был как человек, в нем человечности очень много было. Он был понимающим, душевным человеком, ведь прошел такую тяжелую школу. Дважды быть в тюрьме – это не так просто, и руки у него сохранились, ведь ему приходилось делать всякую работу, там, если не выработаешь свою норму, то хлеба не дадут. Ужасное было время. Однако ж он все выполнял, и Бог помогал ему. Несмотря на то, что он пережил ссылку и тюрьму, руки у него были золотые. По зову души своей он отдавал людям всего себя, целыми днями был в госпитале, много оперировал по утрам. Когда были сложные операции в других госпиталях, то туда вызывали именно его. Однажды во время операции упала бомба на улице Советской, как раз между первой и шестой школами, но она не взорвалась. Он оперировал ночью до часу.

Это была сложная операция на брюшной полости. Света не было, и Владыка Лука делал операцию с семилинейной лампой, вы представляете, что это было – темно вокруг, но исход операции был отличный, он все сделал хорошо. По госпиталю он ходил в халате и никогда голос не повышал, никогда. Только скажет, и мы все понимали его с одного слова. Он делал самые сложные операции – особенно если были ранения головы, когда нужно было делать трепанацию черепа. Несмотря на то, что время было сложное, когда раненные могли и матом обругать, он разговором и молитвой внушал спокойствие, и человек понимал. Когда человек был на исходе, Владыка Лука мог привезти Святое Причастие и причащал таких людей перед их кончиной. Раненные умирали от тяжелых ранений, особенно те, у которых брюшная полость была разрушена, таких было очень много. Случалось, что некрещенные крестились, и Владыка Лука помогал им в этом прямо там, в госпитале, когда они лежали на своем одре. Он всегда был с молитвой и нас учил. Операции начинал с молитвы. И нас всех он спрашивал – крещенные или некрещенные? Я сразу ответила, что крещеная, и девочек со мной было три, они тоже сказали. Нас много было медсестер, персонала не хватало, поэтому многие были приезжие – со всего Союза. На нас никогда он голос не повышал, и с ним очень легко было работать, потому что мы пришли, зная только теорию, практику не знали и учились у него. Когда делал операцию, всегда все пошагово объяснял. Он терпеливо показывал нам, как надо делать уколы и внутривенные, как перевязывать, он нам все подсказывал – это был человек от Бога. После проведенных операций он посещал больных. Когда делал обход, с ним приятно было находиться, он ласково подходил к каждому больному, погладит по голове его, поговорит и ободрит: «Надейтесь, Вы поправитесь, все будет хорошо, Бог поможет», – так и говорил всем. Эта ласка была самая главная для больного человека, тем более что у многих родственники были на оккупированной территории. Очень тяжелые были раненные, много теряли крови, такие ранения были – передать невозможно, очень страшные. Никто к ним не приходил и ничего не приносил. В это время поток раненных был большой, Воронеж переходил из рук в руки.

И потом, когда наступление на Воронеж было очень сильное, тут работы было много, непочатый край, мы день и ночь стояли на ногах, по пятнадцать часов у стола. Отдыха не было никому, это был просто «ад», в палате лежат и каждый по-своему стонет. Однажды приехал генерал-врач из Москвы с инспекцией госпиталей. По поводу одного больного он сказал, что ему необходимо удалить руку, потому что она плохо заживала, там все было разорвано, даже сухожилия мотались, вся рана была гнойной. Владыка Лука не побоялся возразить и сказал, что не надо удалять его руку. Если он говорил, что чего-то делать нельзя, то он не отступал от своего. Он не боялся сказать правду в глаза. Несмотря на то, что все-таки дважды отсидел. Он сказал свое твердое слово: «Я беру на себя ответственность, я знаю, что это сделаю и от этого не отступлю!» Владыка под свою ответственность взялся вылечить этого раненого, заявив, что сам его будет лечить. И было видно, что Владыка не гнушался и плохой работы: сам вольет воды горячей с марганцовкой в ванну, потом сам промокал бинты и делал перевязку, никому это дело не доверял и полностью вылечил этого человека. Рука была сохранена, стала шевелиться и работать. Это был обычный солдат-украинец, его семья была в оккупации, и он очень переживал, как ему быть без руки. Но Владыка вылечил его, и потом этого раненого послали дальше в Сибирь, глубже в тыл долечиваться... Все смотрели на Владыку как на Спасителя. Несмотря на то, что много коммунистов было – все смотрели уверенно. Даже среди коммунистов были те, кто его поддерживал. Он твердый в своем слове был. Сказал – все, бесповоротно. Когда утром собирались перед обходом в его кабинете, он обязательно благословлял всех и на обходе он благословлял больных. Поверх черной одежды был крест. Приходил всегда в черном и надевал белый халат. Сверху халата он и носил крест именно для того, чтобы благословлять больных, и не скрывал его, потому что не боялся никого. То место у больного, где он делал операцию, Владыка Лука крестил, и перед тем как сделать надрез, он изображал йодом крест и наизусть читал молитву – всегда исход операции был только положительным, люди быстро шли на поправку. Он обрабатывал, обеззараживал все очень тща-

тельно, еще и его умелые руки – все это в сочетании с Божиим словом давало положительный результат. Асептика была особая, строгость и чистота идеальная, все мы были в масках, видны только глаза. Чистота и порядок при нем были идеальные. Было и такое, что в госпитале он окроплял святой водой. Встреча с Владыкой Лукой имела огромное влияние на мой духовный настрой, я ему очень благодарна за то, что он нас учил всему доброму, на путь истинный наставлял, чтоб мы правильно себя вели во всех отношениях. Когда он приехал, нам сказали, предупредили, что это необычный врач... Все вели себя по-разному, кто смотрел на него со странностями, а кто со вниманием, но все тихо смотрели, пристально. О том, что он сидел, сказали потихоньку. Он себя вел благочинно, был аккуратным во всех отношениях, и слушались его всегда в первую очередь. Весной 1944 г. мне пришлось перейти в другой госпиталь № 4041 в лесу, там, где до войны был дом отдыха и пионерские лагеря. Работу в госпитале с Владыкой Лукой забыть невозможно. Уже после советского времени, когда я еще могла ходить в храм, в Покровском соборе появилась икона Владыки Луки, тогда я подолгу стояла около нее и молилась...»⁹.

Особенно памятен Владыка Лука был тем, кто, несмотря на гонения, с детства сохранил веру. **Нина Николаевна Зайко** по этому поводу вспоминает: «Родители у меня из с. Осиновые Гаи. Дед по маме такой служивый был, имел постоянный двор и гостиницу. В селе церковь была, мы жили в поле около церкви. Напротив жили священники, они потом в 1947 г. папу отпевали, который умер от дистрофии. Папа у меня, Николай Гаврилович Слесарев (1884 г. р.). Родители у него очень рано умерли. Тетя была в Екатеринбургском монастыре, она детей взяла. Папе было двенадцать лет, Пете – семь и сестре – десять. Он воспитывался в монастыре, затем с 1902 г. служил в Российской армии и даже похоронили его с медальоном Кутузова, у него было три Георгиевских креста. Последнее ранение он получил под Царицыным. Папа в 1922 г. в Тамбове окончил службу. Тетя, настоятельница из Екатерин-

⁹ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 5–12 апреля 2013 г. в г. Тамбов со слов Веры Ивановны Левашовой (в девичестве Близнацова, 20.12.1923 г. р.).

бургского монастыря, к нам с родственниками приезжала из монастыря. Ну, я еще ребенком была. Мне было 4–5 лет. Сестре семь лет. Вот побыли у нас гости и уехали. И вдруг в ночь кто-то неизвестные пришли в дом. Спаленка у нас была небольшая. Какие-то люди заходят в комнату. Папа говорит: «Ищите...» Сначала я не понимала, что это такое. Наутро я просыпаюсь, на этажерке у нас всегда лежала детская Библия – ничего нет. «Мам, где все?» – спросила я. А мама, Мария Степановна Свиридова (1897 г. р.), говорит: «У папы спроси». Все унесли. Потом я пошла в чулан. Нахожу Библию – все изорвано, кусок с изображением, как Иисус Христос по воде идет. Второй кусок нахожу смятый. Это был обыск, они все порвали и даже иконы. На кухне они наступили на икону, она вся побита была. Потом в 1936 г. меня в школе наказали за красные яйца. Отец мне тогда сказал: «Друзей надо выбирать, подумай, кто был с тобой, кто тебя предал?» Мама нас наказывала, в угол ставила, а папа такой был доброжелательный. Сажал на колени и расспрашивал: «Что натворила? Кто был в доме, какая девочка была?» Вот он мне тогда сказал слова Евангелия: «Ученики Спасителя, дважды петух не пропел, Его предали». В это время, когда меня очень сильно наказали во 2 классе за куличи, у меня было очень серьезное заболевание. Такой стресс был нервный, что родители очень усердно молились святителю Питириму, и мне стало легче. Когда уже была Первая мировая война в 1914 г., отец в Тамбов приезжал, к нам сюда в Спасо-Преображенский кафедральный собор к мощам святителя Питирима. Здесь он купил иконку реликвенную святителя Питирима. Потом уже с этой иконкой мой сын служил в Афганистане. Это благословение Питирима, я ему всегда молюсь. Он – мой угодник. Вот так вот, в такой семье я воспитывалась. Я с детства познала Бога. Когда приехал Владыка Лука, я девочкой пошла в церковь. Покровская церковь открылась, и мы туда иконы носить стали. Вверху Покровской церкви еще общежитие было. Он, Владыка Лука, был так обижен нашим правительством Тамбовским. Церковь ведь жила всего на 20 копеек за свечку. Никто ему ничего не давал, он так был зажат. Несмотря на это, кто где в больницу просил его прийти, он обязательно отзывался делать

операции. Он по всем госпиталям был, больше всего он делал операции в военном госпитале на Красноармейской. У нас в Тамбове было очень много госпиталей. Его приглашали, и ему некогда было, его терзали. Больше всего он мне дорог был, потому что он помогал людям и церкви. И какие он проповеди говорил. Я два раза у него в доме была с очень близкими людьми, там у него были картины и иконы. Он нас учил и все рассказывал о своей жизни – такой задушевный! Вокруг Владыки были верующие люди, например, была семья Уточкиных, верующие родители, дочери – все. Одна даже в церкви служила у него, работником была. Была женщина в возрасте, она была очень верующей и в Страстную неделю спала только в кресле. Она нас учила многому, у нее много было писанных картин от Владыки Луки. Я еще девочкой была 15–16 лет, на фронт собиралась. Мы, девочки, помогали по медицине. На Петропавловское кладбище поезд приходил, и мы, девочки, разгружали, мертвых туда отсылали. В 1943 г. я поступила в медколледж. И когда вышла на практику в госпиталь, я еще училась в 1943–1944 гг. Однажды архиепископ Лука нас пригласил на операцию, был очень тяжелый больной. Не потому, что нужно было поддерживать, он один справлялся, а чтоб научить. У больного был экссудативный плеврит, задыхался в гное. Операцию делать лежа нельзя, нужно было поддерживать больного. В операционной был еще очень хороший врач, потом он возглавлял гнойную медицину во второй больнице. Владыка Лука его пригласил на операцию и нас, мы пришли на практику. Он говорит: «Мне нужна помощь». Перекрестил нас и спрашивает: «У кого есть крестики?» Ну, как с нас снимали в 1930 г., мы все время носили крестики, пристегнутые к нижнему белью. Так, у нас у двух оказались крестики. Он благословил, говорит: «Оденьте, будете мне способствовать». Незабываемо, как он делает операции, как он молится, с таким Божеством. Архиепископ Лука столько вложил в нас. Все голодные были – 800 руб. стоила буханка хлеба. И он кому чем мог, тем помогал. Я тогда еще в областной больнице проходила практику. Шербер был врач, мы, бывало, бегом с ним в церковь к Владыке Луке. Он, Лука, ходатайствовал, чтобы достать хлеб для врачей и медсестер,

особенно к тем людям обращался, которых связывала работа. Вот моя тетья Антонина Степановна Свиридова работала на хлебопечкарне. Вот я пару раз ходила. Она как-то могла передать по четвертушке хлеба. Он просил таких людей и нас просил, чтобы людям оказывать помощь. Это такой был человек – только все с Богом, с благословением. А мне, конечно, досталось крепко. Сколько труда было. После смерти отца в правоохранительной системе я отработала 37 лет. Где-то в 1948 г. И.В. Сталин выпускает закон в связи с тем, что очень много у нас было несовершеннолетних в тюрьме. Я стала работать с подростками, тогда ввели должность инструктор по полит-воспитательной части среди несовершеннолетних. Мне, медику, пришлось переучиваться на педагога. На меня написали письмо, что наша семья верующая, что в церковь ходим, молимся, куличи светим, и вот эта записка лежала все время моей службы. Я офицером служила, и всего было две докладных, что я верующий человек. Когда впервые у нас появилась икона Владыки Луки, я не знала, что за святой, но какие родные глаза, где я эти глаза видела? Его глаза нельзя забыть... А потом и поняла, что это его иконочка ко мне пришла...»¹⁰

С врачами, медперсоналом, больными или просто обывателями, с начальствующими представителями советской власти – со всеми Владыка общался одинаково ровно и выдержанно. Участника Великой Отечественной войны капитана 1-го ранга **Николая Стефановича Чаплыгина** Владыка Лука спас, сделав сложнейшую операцию в госпитале № 5894 (размещался на ул. Пионерской), несмотря на то, что у раненого были раздроблены ребра и сильно повреждено легкое. «Когда нас везли с фронта в тыл, то в городе Мичуринск три эшелона с ранеными были направлены на юг, а наши два эшелона было решено отправить в Тамбов. Раненые из этих эшелонов возмутились. Помню, что я лежал с ранением в вагоне и слышал крики и ругань. Из-за этого раненные бойцы задержали отправку поезда на несколько часов. Они восстали, собрали митинг и не хотели подчиняться. Только после того, как им сказали, что в Тамбове есть выдающийся врач-

хирург, который всех исцеляет, тогда народ успокоился и поехал в Тамбов»¹¹. Воспоминания Николая Стефановича о встрече с архиепископом-хирургом проникнуты благодарностью также потому, что спасенная жизнь подарила ему еще одну встречу. В госпитале он познакомился со своей будущей женой – Клавдией Тимофеевной Елагинной, которая приходила в госпиталь помогать перебинтовывать раненых родной сестре Вере Тимофеевне, хирургической медсестре, ассистировавшей архиепископу Луке. Николай Стефанович вспоминал, что Владыка Лука всегда был в черном или белом одеянии (когда же он был в белом медицинском халате, из-под него был виден край черного подрясника). С ранеными солдатами Владыка всегда был внимателен. «Помню, что Лука был немногословным, но обращался со вниманием. Подойдет, погладит по плечу или по голове и спросит: «Ну как Вы, голубчик? Все ли хорошо?» Мы не имели нужной одежды, и когда приходилось выходить на воздух, то ничего, кроме подштанников, майки и халата, на нас не было. Однажды весной, когда мы вышли из госпиталя на улице Пионерской посмотреть на Цну, то неожиданно увидели архиепископа Луку в окружении толпы. Несмотря на наш жалкий вид и свою занятость, Лука подошел и стал спрашивать о самочувствии раненых. Он немного рассказал нам о реке Цна, о городе Тамбов, о котором приезжие бойцы знали немного. Дважды мы встречались с ним на улице Набережной и, когда провожали его, он рассказывал нам про Крым и главы из Библии... Меня приезжала проведать сестра, она была монахиней. А я до встречи с Лукой вообще был безбожником; мы с ней из-за этого не ладили и даже перед самой войной сильно поссорились. Она спрятала на сеновале бюсты советских героев, которых мне вручили за трудовые успехи, не хотела, чтоб эти «идолы» стояли в горнице, где были намоленные родовые иконы. Однако этим она спасла меня, когда немцы вошли в село, но когда они брали сено и нашли эти бюсты, то чуть ее не расстреляли, благо у нее в доме уже разместился немецкий офицер, и он не дал расстрелять ее, кто бы его кормил? После этой со-

¹⁰ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 25 апреля 2013 г. в г. Тамбов со слов Н.Н. Зайко (в девичестве Слесаревой 1927 г. р.).

¹¹ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 9 апреля 2012 г. в г. Тамбов со слов Н.С. Чаплыгина (06.12.1922 г. р.).

ры я не хотел ее видеть, да и не видел, пока воевал. Она сама разыскала меня и просила свиданий, а я вначале упрямылся, гордый был... Но после операции и общения с Лукой я смягчился; мы встретились с ней и примирились. Думаю, что она виделась с Лукой, так как в Тамбове жила целую неделю в ожидании встречи со мной. Можно сказать, что после встречи с Лукой я стал верующим православным человеком, и так я стал верить, а Владыку Луку считаю своим спасителем. Я никогда ни любил на партсобраниях кампанейщины, болтовню и лишнюю отчетность, поэтому часто сбегал с собраний. А в Луке мне нравилась деловитость, каждое слово его бьет туда, куда надо, метко, ничего лишнего»¹². Как заметили Николай Стефанович и Клавдия Тимофеевна, до приезда Владыки Луки смертность среди раненых составляла 80 %¹³, а после его приезда составила всего 20 %, а 80 % раненым спасали жизнь¹⁴.

По свидетельствам супругов Чаплыгиных, в госпитале Владыка Лука «использовал какие-то магниты для вытягивания осколков». Николай Стефанович вспоминает: «...у меня после ранения шесть или восемь ребер были перебиты. В Тамбов привезли меня через месяц после ранения, и рана уже затягивалась. Но большими шприцами вытаскивали гнойные остатки. Осколки попали в легкое с правой стороны и в лопатку. Было опасно делать операцию и извлекать осколки; достаточно было и одного осколка, чтобы попасть на тот свет, а у меня их было три, и я был жив. Во многом благодаря тому, что до войны я трудился, работал на технике прицепщиком тракториста, здоровый был – «бугай»! Благодаря этому я три осколка и перенес, хотя достаточно одного было. Перед операцией вначале он один раз пришел, посмотрел, потом два дня не являлся, потом привезли его, он готовился к операции, меня

на операционный стол повезли, и он сделал эту сложную операцию. Гениальность Луки была в том, что спереди не стал трогать ребра, чтобы не разрушить костный каркас. Операцию сделал сбоку, обрезая ребра. Так он придумал магниты; он один осколок из раны вытащил магнитом, потом стал рассекать; второй вытащил, а третий остался. Операция часов пять длилась, потому-то ребра нужно было отпиливать или откусывать, да еще и не хватило наркоза, и сестра жены, медсестра Вера Тимофеевна, просила, чтобы я матом не ругался. Многие фронтовики во время операций ругались, а Лука не терпел этого, у него начинали руки дрожать. Как мне сказали, я выругался только одним словом, и он потребовал, чтоб успокоили, и в этот момент сказал – ему скальпель в руки не давать... Мне после госпиталя давали инвалидность и не пускали на фронт; я хотел сбежать на фронт. Врачи отказывались отпустить и с ним консультировались. Лука, когда узнал об этом, потребовал, чтоб меня привезли к нему. Он сказал: «Дайте ему хотя бы вторую группу, так как у него нет по сути правого легкого – это тяжелее ранения, когда нет ноги». Но я не поехал к нему, а сбежал на фронт. А потом, когда я еще раз вернулся после фронта, то профессор Лука уже ушел от нас и стал главным консультантом эвакогоспиталей, а только в городе их было 24, а по области – около 50-ти. Там, перед кинотеатром «Модерн», одноэтажное кафе, – там находился он, как главный хирург-консультант, а потом там, где гостиница обкома была... И вот дважды меня возили к нему... Никогда не забуду, как один раз сразу после той тяжелой операции он пришел в палату. Его сопровождала сестра моей жены Вера Тимофеевна Елагина, будучи операционной медсестрой. Она курила, поэтому всегда имела при себе папиросы. Старшая операционная сестра спереди стояла, а Вера Тимофеевна – сзади. Он приходит на второй день после операции проведать меня, специально приехал. Он еще был главным хирургом, а потом его сделали главным хирургом области. Пришел в палату с крестом. Я поднялся, он дал поцеловать крест. Потом спрашивает меня ни с того ни с сего: «Куришь?». А я не знал, что ответить. На фронте я не курил постоянно, но иногда, по обстановке, или в детстве было, ребята вот хулиганье на улице –

¹² Записано протоиереем Виктором Лисюниным 9 апреля 2012 г. в г. Тамбов со слов Н.С. Чаплыгина (1922 г. р.).

¹³ О статистике медико-санитарного обеспечения войск см.: Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Тамбов, 2007. С. 409–582. О статистике медицинского обеспечения гражданского населения см.: Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 2. Тамбов, 2008. С. 507–617.

¹⁴ Записано в 2002 г. в г. Тамбов со слов Н.С. Чаплыгина и К.Т. Чаплыгиной (Елагиной).

закуришь, ну что мы там курили – листья от семечек. Ни денег, ни табака не было. Я подумал, подумал и еще ничего не успел сказать, а он старшей медсестре говорит: «Дай ему папиросу!» Она курящая была – сразу зажгла папиросу. Он забрал у нее папиросу и сразу мне в рот сунул. Как только я взял, он закрыл мне его. Рука у него мощнейшая была, закрыл ей мне рот. Я смотрю – из раны выходит столб плотного дыма. «Видишь?», – спрашивает меня Лука. «Вижу!», – отвечаю ему, а сам чуть не задохнулся от кашля. «Через неделю, через две – на том свете будешь, или бросишь – будешь жить. Понятно?» – бескомпромиссно заявил он и сразу ушел. Потом, мне рассказывали, что он интересовался о моем здоровье и спрашивал, не курю ли я? Я и до этого почти не курил, а с той поры вообще не пью и не курю»¹⁵.

В госпитале или среди представителей госорганов, в храме или просто на улице – везде архиепископ Лука вел себя, как подобает священнослужителю. И всем своим видом, и делом, и словом стремился наставить людей на путь духовно-нравственного совершенства. «Я еще не окончила фельдшерское училище, – вспоминает **Клавдия Тимофеевна Чаплыгина (Елагина)**, – и в 1945 г. параллельно училась и помогала в госпитале, который располагался в здании на улице Пионерской, была там на практике. Практика была большая, серьезная, много месяцев. Днем училась, а вечером, бывало, и ночью дежурство в госпитале. Тяжело медсестрам и врачам было тогда. В этом госпитале моя старшая сестра Вера Тимофеевна Елагина (1919 г. р.) была старшей медсестрой. Владыка Лука по виду был как обычный батюшка, большая седая борода. И приходил как батюшка в черном облачении, и оперировал как батюшка, и разговаривал все по-божески, все-все он проповедовал и в госпитале. Он говорил людям, что нужно креститься обязательно. Лекарств, самое главное, не было. Операции иногда делали без обезболивающих. Но все у него проходило замечательно... В операционной этого госпиталя специально икон не висело, но Владыка Лука приходил в подряснике с иконой на груди. На углу улицы Советской и улицы Пионерской

жила сестра-хозяйка, которая заведовала бельем, верующая женщина, она готовила еду для Владыки Луки и кормила его, когда он задерживался в госпитале. У Владыки Луки были волевые качества; он был строгим, например, когда делали операции, а особенно без наркоза; военные очень сильно ругались матом. Он это сразу прекращал, не терпел, когда ругались, и не позволял, чтобы хоть кто-то из окружающих выражался и резко вел себя, особенно во время операций. Народ его очень уважал, любил... особенно раненные солдаты. Все его боготворили. И кого он оперировал, это было счастье, это было чудо. После операции, когда шли на поправку, благодарили его. Когда раненные отдыхали, Владыка Лука подходил, разговаривал с ними. Здесь он и проповеди говорил о Боге. Все время он говорил именно о Боге. Когда кому нужно было делать операцию, Владыка Лука сам приходил и назначал, когда делать операцию. Во время обхода, общаясь с людьми, он разговаривал с ними о Боге и вере. Эти разговоры чаще всего были во время обходов по палатам; палаты большие были – и по десять человек, и больше. Когда он приходил и разговаривал с ранеными в какую-нибудь палату, то многие пациенты из других палат собирались и приходили послушать его...»¹⁶.

Все вышеприведенные свидетельства и воспоминания были зафиксированы в городе Тамбов у очевидцев, которые общались с архиепископом Лукой, присутствовали на его богослужениях, помогали в восстановлении Покровского прихода, были его пациентами или трудились вместе с владыкой в эвакуационных госпиталях города Тамбова, где он являлся главным хирургом-консультантом и проводил свои знаменитые операции. Каждый из очевидцев являет свою историю встречи и общения с владыкой Лукой, который оставил неизгладимый след в их душе. По этим воспоминаниям и свидетельствам можно почувствовать атмосферу, в которой проходило время служения святителя, становится возможным реконструировать быт и обстановку того военного времени. Живой самобытный язык каждого очевидца добавляет свое уникальное звучание и в то же

¹⁵ Записано протоиереем Виктором Лисюниным 5 декабря 2010 г. и 9 апреля 2012 г. в г. Тамбов со слов Н.С. Чаплыгина (1922 г. р.).

¹⁶ Записано священником Виктором Лисюниным 5 июля 2011 г. в г. Тамбов со слов К.Т. Чаплыгиной (в девичестве Елагиной, 1926 г. р.).

время раскрывает разные грани личности святителя Луки. Собрание воспоминаний очевидцев создает своеобразный народный портрет личности известного на весь мир великого ученого-иерарха и теперь уже прославленного святого – святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого), годы служения которого на Тамбовской земле являются

примером героического подвига во время Великой Отечественной войны.

Поступила в редакцию 09.07.2018 г.

Отрецензирована 10.09.2018 г.

Принята в печать 12.11.2018 г.

Информация об авторе

протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат исторических наук, зав. кафедрой библеистики. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация; доцент кафедры философии и методологии науки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ovli09@mail.ru

Для цитирования

Лисюнин В., прот. Годы служения святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле по зафиксированным свидетельствам и воспоминаниям очевидцев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 178. С. 182-192. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-182-192.

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-182-192

ST. LUKE THE CONFESSOR'S (VOYNO-YASENETSKY) YEARS OF MINISTRATION IN TAMBOV LAND IN RECORDED DOCUMENTS AND WITNESSES' MEMORIES

Archpriest Viktor LISYUNIN^{1,2)}

¹⁾ Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation

²⁾ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

E-mail: ovli09@mail.ru

Abstract. We discuss the years of ministration of St. Luke (Voyno-Yasnetsky), who was Archbishop of Tambov and Michurinsk and ruled the Tambov Eparchy from February 1944 to May 1946. We present the number of memories of witnesses who spoke with Archbishop Luke, attended his sacred services, helped in the restoration of the Pokrovsky parish, were his patients or worked together with His Grace in the evacuation hospitals of Tambov, where he was the chief surgeon-consultant and conducted his famous operations. We recorded memories of a senior cleric of the Cathedral of the Transfiguration of the Saviour of the city of Tambov, Mitred Archpriest Boris Zhabin, who at the age of seven first saw the Archbishop Luka, Lyubov Petrovna Abramova, who witnessed the revival of the Pokrovsky Cathedral of the city of Tambov during the ministration of St. Luke, the participant of the Great Patriotic War, captain 1st rank Nikolay Stefanovich Chaplygin, as well as graduates of Tambov Medical School and nurses of the Tambov evacuation hospital Vera Ivanovna Levashova, Nina Nikolaevna Zayko and Claudia Timofeevna Chaplygina. Each of the witnesses reveals his story of meeting and communicating with Archbishop Luke, who left an indelible impression on their souls. From these memories and testimonies one can feel the atmosphere in which St. Luke's years of ministration were held, it is even possible to reconstruct the way of life and the situation of that wartime. The vernacular language of each witness adds its own unique sound and at the same time reveals different traits of St. Luke's personality. The collection of witnesses' memories creates a kind of public portrait of the personality of the great scientist and hierarch and now the famous saint – St. Luke the Confessor (born Valentin Feliksovich Voyno-Yasnetsky).

Keywords: Tambov Eparchy; Great Patriotic War; St. Luke; archbishop; memories; witnesses; evacuation hospital; ministration

Received 9 July 2018

Reviewed 10 September 2018

Accepted for press 12 November 2018

Information about the author

Archpriest Viktor Lisyunin, Candidate of History, Head of Biblical Studies Department. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation; Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ovli09@mail.ru

For citation

Lisyunin V., Archpriest. Gody sluzheniya svyatitelya-ispovednika Luki (Voyno-Yasenetsкого) na Tambovskoy zemle po zafiksirovannym svidetel'stvam i vospominaniyam ochevidtsev [St. Luke the Confessor's (Voyno-Yasenetsky) years of ministration in Tambov land in recorded documents and witnesses' memories]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 182-192. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-182-192. (In Russian, Abstr. in Engl.).